

18+

ВЛАДИМИР КАРНАУХОВ

Трафарет

КНИГА СТИХОВ

Владимир Карнаухов

Трафарет. Книга стихов

«Издательские решения»

Карнаухов В.

Трафарет. Книга стихов / В. Карнаухов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833564-8

Уважаемый читатель! Это моя первая книга, здесь стихи разных направлений, есть всё: и любовь, и расставания, радости и огорчения, так что, дорогой читатель, вам судить. Член Российского союза писателей.

ISBN 978-5-44-833564-8

© Карнаухов В.
© Издательские решения

Содержание

Намеренная терапия	7
«Глаза неразумные в санитарной зоне...»	7
«День потел на телах оголённых...»	8
«— Что ж ты, Родина, хромаешь?»	9
«Любовь не ограничивается временем...»	10
«Восковая фигура лета...»	11
«Вот она — любовь: с длинными ногами...»	12
«С позиции приспособления был плен...»	13
«Прикоснусь к тебе словом хорошим...»	14
«Я поищу тебя у вечности...»	15
«Метёт улицу ветер мою...»	16
«Бражничают душа под хмельком весенним —...»	17
«Любовь, как медвежатник ушлый...»	18
«Просыпаюсь с грехом пополам...»	19
«Раскладушка, как спутник в квартире-Вселенной...»	20
«Весна — с цветеньем на хвосте...»	21
«Присущая строптивость, как петля...»	22
«Мой персонаж под локоном небес...»	23
«Извольте выдумать любовь!»	24
«Когда депрессия съедает...»	25
«Унеси свою боль на зелёное поле...»	26
«Чашка ночи на столе...»	27
«Одиночество, как танец...»	28
«Скомканное одеяло минувших событий...»	29
«Выходил я на рассвете...»	30
«Я нем последним поцелуем...»	31
«Только вырази тёплый рассвет...»	32
«Заманит грусть в окно седое...»	33
«Ещё не поздно вам сказать: «Люблю!...»	34
«Фонарями гуляют дороги...»	35
«Поклон вам от званой души...»	36
«В замочную скважину смех возвратился...»	37
«Я просто люблю, когда ты говоришь...»	38
«Накатит русская душа...»	39
«На колени мои ты присела...»	40
«Тени, тени, всюду тени!»	41
«В клетку листочек...»	42
«Накапала слеза сегодня радости...»	43
«С рекомендательным письмом...»	44
«Я видел, как ты спала...»	45
«На окраине звёзды светлее...»	46
«Печаль, что сорная трава, —...»	47
Твоё дыхание всё для меня	48
«В одном хоре разевали рот...»	48
«Пусть гримасничает дождь...»	49
«Приятного вечера тихая грусть...»	50

«Аппетит ваших страстных объятий мёртв...»	51
«Потеря доверия – голый в бане...»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Трафарет
Книга стихов
Владимир Карнаухов
«Оставьте время для добра.»

© Владимир Карнаухов, 2016

ISBN 978-5-4483-3564-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Намеренная терапия

«Глаза неразумные в санитарной зоне...»

Глаза неразумные в санитарной зоне.
Передозировка зла, — чернеет душа,
Поэтому лечить душевнобольного в неволе
Надо индивидуально и не спеша.
Насадил уверенно разгорячённое чучело
На десятикубовый шпиль шприца,
Чтобы дядю в основном не мучило
Рвать злорадством чужие сердца.
«Клиника» приятней звучит, чем «дурдом»...
Крепкий медперсонал, невозмутимые доктора —
Они до минимума изменят твой мозговой объём,
Не касаясь воспалённого лба.
Осень отпишет багряным почерком по листве,
Зима нарисует за окном снежный кокаин.
Ещё ты будешь скучать по весне
И вытягивать свежий воздух из форточных дыр.
Потом перекроет горло непримиримый коллапс,
Стихнет зло от намеренной терапии, —
Поздравят с успешной выпиской вас.
И ты, здоровенький, снова станешь гражданином
России.

«День потел на телах оголённых...»

День потел на телах оголённых
И синел от морской красоты.
Трепет солнечный для изумлённых
Приближал бархат тёплой волны.
Пляж лишал обязательство долга
И бесстыдно творил чудеса.
Даже опыт морского волка
Отводил от такого глаза.
Всех размеров фигуры в натуре
И размах сокрушающих поз...
Здесь не надо кричать о культуре:
Неизбежно получишь невроз.
Огнедышащий луч настигал
И просушивал до ожога.
Отдыхающий не возражал
Против романтично-очаровательного итога.

«– Что ж ты, Родина, хромаешь?»

– Что ж ты, Родина, хромаешь?
– Со слезами на глазах
Я, солдатик, в дом шагаю
К людям в страшных сапогах.
– Далеко ль тебе идти?
– Вечность, бедный часовой, —
В чёрный лес наискосок,
Незаметной той тропой.
– Что же ты без провожатых?
– Грусть одна – моя сестра.
Грусть у нас – грузи лопатой.
– Ты б – с почётного угла...
– Вот почётный угол мой.
Здесь – с великого креста —
Началась, мой часовой,
Русской скорби вся беда.
...Поклонилась трижды в пояс,
Помолилась у крыльца,
Хромотою беспокоясь,
В дом Ипатьевский зашла.
Не ищите повторенья:
Вид дубравный – лишь краса...
На засыпанном прощенье
След остался сапога.

«Любовь не ограничивается временем...»

Любовь не ограничивается временем:
Надоест, значит, отяготила.
Случалось такое и с Анной Карениной:
Одному – чуть больше, другой – не хватило.
Остаётся только ветер в ушах —
Уже простуженный и мерзкий,
Состоящий из измен и греха,
Но всё ещё возбуждающе дерзкий.
Но колёса сделали своё дело,
Любовь в тяжёлых постелях замерла.
Осталось пыльное бездыханное тело
И невидимая, но липкая пустота.
Легко пить двойную порцию счастья,
Обвораживая её иллюзией,
Проливать случайно кофе на платье
Для игривой беспечной прелюдии.
Голод сердца заполняется кровью,
Хаос не восстанавливает с правдой ложь,
Всё красивое будет называться любовью,
Остальное, – как пьяный дебош.
Поэтому существуют вокзалы,
Холодные водоёмы и пруды...
Перегруженные железом водолазы
Вытаскивают всё любимое из воды.

«Восковая фигура лета...»

Восковая фигура лета...
Мы с тобой распределяем дела.
Вертится голос на ткани света
В добром здравии и полного ума.
Верившие друг в друга,
Раздаём с улыбкой оптимизм.
Ты – мой товарищ и верная подруга,
Я – встроенный в твоё сердце механизм.
Облегчение бомбардировок быта
Сопутствует нашему настроению.
Тот, кто начинал у разбитого корыта, —
Противник пятому измерению.
Мы не замахиваемся на богатство—
Несём свою «подъёмную» ношу,
И распределение не напрасно:
Делает дом хорошим.

«Вот она – любовь: с длинными ногами...»

Вот она – любовь: с длинными ногами,
С чуть вызывающей грудью,
С большими необыкновенными глазами
И ей только понятной сутью.
Вот она – любовь: беспокойная стихия души,
Обморок сердца в перспективе,
Подполье чувств со стремлением любви,
Взбудораженных на адреналине.
Вот она – любовь: как гончая перед прыжком.
Ты нашёл её, а она тебя – нет,
И всей массой надо оставаться мужиком
С нажимом на утешающий букет.
Вот она – любовь: с немотивированной радостью,
С ночным сторожем в голове,
С безумно овладевающей сладостью
От улыбки на её лице.
Вот она – любовь. Пока ещё любовь,
Принятая только тобой,
Но уже меняющая ненавистью кровь
За расхищенный мир и покой.

«С позиции приспособления был плен...»

С позиции приспособления был плен,
Начинало рябить лихолетье.
На скорости звука ты другом подсел,
И стало понятней столетье.
«Утро вечера мудренее»
Отразило свою взыскательность.
От странствий мы не стали слабее —
Укрепили веру и значимость.
Сейчас тебя не стало,
Но осталось твоё притяжение,
Осталось внутреннее начало
Страховки моего заземления.

«Прикоснись к тебе словом хорошим...»

Прикоснись к тебе словом хорошим.
Пробуждение от суеты
Станет платьем твоим роскошным.
Лечит время от слепоты
Всё, что брошено было зря
С расстояния горьких обид.
В покровительстве наше я,
Отживёт – как ненужный нам вид.
И дыхание солнца в луче
Нам предложит сойти за пару,
Чтобы танец, скользнувший извне,
Разметал до частиц преграду.

«Я поищу тебя у вечности...»

Я поищу тебя у вечности
И попрошу зажечь звезду,
Чтобы сияла в бесконечности
Душа, подобная лучу.
Я буду знать, что рядом ты,
Что город, нам принадлежавший,
Живёт от нашей теплоты
Не только радостью вчерашней.
Где замирает мир в ночи,
Благоухая в благочестии,
Проходят сквозь меня лучи,
С твоим желанным мне известием.

«Метёт улицу ветер мою...»

Метёт улицу ветер мою,
И прошедшее в угол сметает,
Где потрёпанную судьбу
Скорбный ангел перебирает.
Приподняться не морщась от боли, —
Несомненно явление веры,
Но сметённое против воли
Назначает другие меры.
Скорбный ангел на том же углу
Всё прошедшее перебирает.
Метёт улицу ветер мою
И судьбу, омрачая, сметает.

«Бражничает душа под хмельком весенним —...»

Бражничает душа под хмельком весенним —
В русской хватке безнравственности,
С особым мужицким дерзновением,
С мучительным непониманием и страстностью.
Так вышла тоска – позаимствовать сердечное,
Вздрагивая слезами дождя холодного,
По простому споря о вечном,
О вере духа народного.
Подсели друг к другу люди обычные,
И выучит их жизнь долготерпением.
Переходят они в разговоре на личное,
Где ждёт безрадостное изменение.
Пробирает хмель, на отдушину тянет —
Высвободиться от всего брагой счастья.
В опустошённой душе, может, и полегчает —
«Без дураков» почти в одночасье.

«Любовь, как медвежатник ушлый...»

Любовь, как медвежатник ушлый,
Вскрывает трудные сердца,
Щелчок прослушивая нужный
Внутри секретного замка.
Испытывая на тишине
Возможность достижения,
Позволит мучиться вдвойне
На выдохе последнем.
Когда раскроет сердца двери
И каждому отдаст своё —
Сюжеты, встречи, жар постели,
Разлуки холод и тепло.
Сугубо личное всем в руки —
За просто так владейте, люди!
Ищите трепетные звуки,
Раскрашивайте любовью будни.

«Просыпаюсь с грехом пополам...»

Просыпаюсь с грехом пополам.
Бессвязное блуждание
И судорожный сарказм
Проблемного выживания.
Размашисто перекрестясь
На утреннее прозябание,
Я всё-таки нахожу связь
Своего пребывания.
Натура требует кофе,
Как не понять такое,
И мой потрёпанный профиль
Реагирует на больное.
Вызов оправдания на дом,
Монолог прошлого
И всё, что вчера было рядом,
Не предвещают хорошего.
Но кофе – вынужденное желание,
Где-то ещё был коньяк.
Изумительное сочетание,
Принятое натошак.

«Раскладушка, как спутник в квартире-Вселенной...»

Раскладушка, как спутник в квартире-Вселенной,
И я, весь – свекольный от градуса водки,
Лечу пассажиром без срока – бессменно,
Читая на ящике старые сводки.
Бездонная пропасть и хлам в наготе,
Тупею на скорости смутного века,
И мистик лукавый, пришедший извне,
Уверенно давит во мне человека.
Сапёры небесные нашего Бога
Меняют запалы злосчастных идей,
И я в раскладушке земного порока
Ищу откровение дней.
Квартирные дали в бутылочной смеси
Под планку стакана легли,
И миропорядок закуской заели
С соседних домов мужики.
Однажды и я в большом городе братства
Найду свой вселенский покой,
Сойдя с раскладушки постельного рабства,
Зажгусь непременно звездой.

«Весна – с цветеньем на хвосте...»

Весна – с цветеньем на хвосте,
С движеньем соловьиным —
Находит главное в душе:
Необходимость в милом.
Рождая дух из прошлых лет
И подзывая к сердцу,
Ворвётся самый близкий свет
К текущему моменту.
На живописнейшем клочке
Разбросанной судьбы
Вдруг отчеканится клише
Несбывшейся мечты.
И от того в рассветной власти
С весенней пестротой,
С движеньем соловьиной страсти
Вернётся миг былой.

«Присущая строптивость, как петля...»

Присущая строптивость, как петля,
В которую затянет очевидность,
И пальчиком грозящая война
Смахнёт с лица игривую невинность.
И заготовки разумеют силу,
«Стреляют» грабли раз в году.
В истории нельзя наполовину
Остановить бегущую волну.
Холодной интонации среда —
Живучей тихого раздолья,
Где есть одна циничная черта,
Удобное кому-то своеволие.
Реальность – перебежчица раздора —
Усиливает лишь хаос остроты.
Корона падает не от возни народа,
А падает в толчке из-за спины.
Переменён маршрут перерождения,
Коротких цифр наелись имена,
И, может быть, другое поколение,
Познает больше света и добра.

«Мой персонаж под локоном небес...»

Мой персонаж под локоном небес
Ещё не знает ухищрений быта:
Через головку надевая крест
Кричит и плачет в золоте корыта.
Так, омывая взбрыкнувшую плоть,
Он получает первое крещение.
Терпи, казак! Ты в этом мире гость —
Без племени, без роду и прощения.
Твой страх намётан заказчицей-судьбой:
Устав всеобщего познания,
Наложит ограниченный покрой
На сборище земного пребывания
И, допуская выигранную меру,
Тенденцию, пришедшую от зла,
Где-то подсадит скоро на измену,
Где плата будет очень высока.
Или в сторонке, буднично робея,
За всех молить кровавою слезой...
Мой персонаж, не знавший ещё время,
Кричит и плачет, смоченный водой.

«Извольте выдумать любовь!»

Извольте выдумать любовь!
Она из ваших глаз пришла,
И чуть приподнятая бровь
Вам удивленье придала.
И декорации симпатий
Учтиво покрывают брешь:
Вы от оконченных занятий,
Не скрадываете моих надежд.
Осада сердца под хмельком
Любовного вниманья, —
Я просто по уши влюблён:
Вы – выше пониманья.
Чисты намеренья мои
В единственном порыве.
Движение внутри души,
Вы тайной одарили.

«Когда депрессия съедает...»

Когда депрессия съедает
«Души прекрасные порывы»,
И постепенно убывает
Весь смысл щемящий сердцевины,
Когда встаёшь, тоской убитый,
И просишь Бога: «Помоги!»,
Когда тельцы кровавой свиты
Тебя на части разнесли,
Ты – со стеклянными глазами —
Себе выносишь приговор
И погранично на диване
Незримый стряхиваешь сор.
Когда морально ты прикован
Лишь к Достоевщине одной,
Ты выкорчёвываешь слово,
Как будто слово – зуб больной.
Когда тебе никто не нужен,
Когда враждебен белый свет,
Ты по потёмкам судной стужи
Не сыщешь правильный ответ.

«Унеси свою боль на зелёное поле...»

Унеси свою боль на зелёное поле,
Унеси свою боль на седые просторы.
Или кинь её в волны обрюзгшего моря,
Или пусть унесут её беглые воры.
Утешенья, как манны, в одночасье не жди:
В длинном списке потерь твои слёзы,
Где житейский покой раскурочили дни
И связали реальностью годы.
Отзвук сердца слабеет на шаге идущем,
Но сознание надеждой живёт,
И твоё возвращенье – на радость живущим —
Пониманье и силы даёт.
Только тёплые руки согреют любовь,
И твоё назначенье вмещает
Наши жизни и нашу текущую кровь,
Где тебя в ней всегда не хватает.

«Чашка ночи на столе...»

Чашка ночи на столе...
Отхлебну её остатки.
Где ещё на самом дне
Звёзды светят в беспорядке?
И кому же угодить,
Задевая эти грани?
Звёздам? Дальше чтоб светить?
Или выпить – для желаний?
Загадать на чашке ночи
Равновесие своё?
Чтобы мне хватило мочи
Жить с безумством заодно,
Чтоб терпение души
Находило выраженье
И от чувственной волны
Мне давало облегченье.
... Чашка ночи на столе.
Отхлебну её остатки.
Где ещё на самом дне
Звёзды светят в беспорядке?

«Одиночество, как танец...»

Одиночество, как танец:
Пары нет – и ты один,
И волнующий румянец —
С блеском глаз уже остыл.
На обиженной душе
Остаётся след разлуки...
Сущность, от стены к стене,
Подаёт нечасто руки.
Разгребая жизни ворох,
С папиросою во рту
Снова слышишь свой ты голос,
Осуждающий судьбу.
От утраченных вдруг сил
Пустотой живёт квартира,
Тех, кого ты не простил,
Все прошли с печалью мимо.
И твои часы стоят
Без серебряного звона,
И усталый мутный взгляд
Виснет с трубкой домофона.

«Скомканное одеяло минувших событий...»

Скомканное одеяло минувших событий
Ещё держит тепло компромисса.
Женщина, покинувшая мою обитель,
Была больше чем просто актриса.
Роль сыгранная ею в один дубль
Не требовала продолжительных аплодисментов,
И ночь, уходящая всё-таки на убыль,
Давала неповторимость и полноту момента.
Она внесла в размах своих крыльев новое,
Создавая мелодию страсти.
Желанная, знающая и на всё готовая,
Была в образе захлестнувших объятий.
Влюблённость – определяет миг жертвенности:
Она высвободила свою печаль
И не боялась раскованной откровенности,
Которая привела её в рай.

«Выходил я на рассвете...»

Выходил я на рассвете
На зелёную траву
И купался в тёплом лете,
Детством брошенный в мечту,
Раскрывал свои объятия,
От души смеялся небу.
Голова моя от счастья
На мотив любимый пела,
Волновал июньский трепет
У подножья ветерка...
Вот тогда-то я заметил,
Как в луче рука легка,
И расхлёбывать не надо
Пустоту на сердце юном,
Жизнь ведь только раскрывала
Лист надежды в мире чудном.

«Я нем последним поцелуем...»

Я нем последним поцелуем.
Течёт по небу Млечный путь...
Давай сегодня жизнь обсудим —
Ту, что прошли мы наизусть,
Которая – чернее ночи,
Которая – светлее дня,
И выберем, где между прочим
Остаток мечется крича.
Не догорают наши свечи,
И мы ослепли в темноте,
И давит нам на наши плечи
Плач истины в самой душе.
И у подножья всех страстей
Мы соберем переживанья,
Подумав, что же нам важней —
Удушье или процветанье.
И будущее не даст защиты
От всевозможных порицаний.
Дрожь тела отдалённо слышит,
Когда готовят наказание.

«Только вырази тёплый рассвет...»

Только вырази тёплый рассвет.
Я успею в глаза насмотреться,
Я скажу тебе первым: «Привет!»,
Чтоб твоими лучами согреться.
Только вырази осень с листвой,
Где не будет твоих поцелуев,
Я успею закрыть за собой,
Дверь, в которую холодом дует.
Только вырази снег в тишине
Под замедленное волнение,
Я успею разжечь в темноте
В старомодном камине поленья.
Только вырази трепет души,
Как блаженство священного храма.
Я успею от нашей любви
Всепрощение оставить в награду.

«Заманит грусть в окно седое...»

Заманит грусть в окно седое
С январским снегом с улиц серых,
Где всё с серебряным покроем
Расшито в срок метелью белой.
И вот уже, сугроб накинув,
Растёт зима из небосвода,
От всех причуд себя подвинув,
Вершит морозной непогодой.
И дышит – сыпет без границ,
Толпится, виснет с края крыши...
И полетит лавиной вниз,
Когда ещё сильнее задышит,
Показывая и примечая
Свою воинственную смелость:
«Смотрите, люди, я какая —
С январских улиц вышла серых!»

«Ещё не поздно вам сказать: «Люблю!...»

Ещё не поздно вам сказать: «Люблю!»
И сотворить от сердца уникальность.
Преобразовывая детскую мечту,
(Как принц заморский!) пригласить на танец.
Под Новый год сознание ликует
И полной ждёт открытости души.
Я ручку вашу нежно поцелую,
И разум музыки достигнет высоты.
Мотив подхвачен с полным пониманьем,
И шанс мне выпадает одному...
От пробудившегося желанья
Решаюсь вам сказать, что вас люблю.
Так – переброшен мост из удовольствий,
С таким волненьем – надо оживать!
В дальнейшем мне, пожалуйста, позвольте
Разочек в щёчку вас поцеловать.

«Фонарями гуляют дороги...»

Фонарями гуляют дороги
На любые – в снегу – расстояния.
В переулках они – убогие,
На проспектах они – в сиянии.
Мы выходим на них, весёлые,
Атакуем всё непроторенное,
Потому что они – занесённые,
Одной лампочкой приговорённые.
Ночь не мнит себя дамой страстною,
На дорогах играет по правилам:
То во тьму нас совсем заграбастает,
То засветит с особым вниманием.
Мы идём, увлекаясь увиденным,
И уже начинаем дурачиться,
И с падением непредвиденным
Остальное уже не значит.
Фонарями гуляют дороги,
Вместе с ними гуляем и мы,
Понемногу сбивая тревоги
Под фонарные чудо-столбы.

«Поклон вам от званой души...»

Другу – Герману Семёновичу.

Поклон вам от званой души.
Я вам благодарен за смелость:
Вы вырвали склонность ко лжи
И дали мне веру и верность.
Подсказывая, что предпринять,
Когда надо мной соглядатай,
Какими словами кидать
В сомнительные их плакаты.
Постичь перемирие войн —
Душевных, сердечных, любых,
Чтоб только держался наш строй
Ликующих и простых.
Чтоб знать, от чего мы уходим,
Сдаёмся за горсть серебра,
И взглядами исподлобья,
Не смотрим друг другу в глаза...
Поклон вам от званой души,
Порок пусть считают статисты.
Попробуем, друг, совершить
Прыжок из презрительной жизни.

«В замочную скважину смех возвратился...»

В замочную скважину смех возвратился:
Смеялись до боли, зажав животы.
И тот, кто на кресле почти подавился
И ртом перекошенным воздух ловил,
Кто нам заказал всемогущую пробу
И пол, что уходит у нас из-под ног,
И тот, кто смеётся, укрывшийся сбоку,
Никак не избавится ложью икот.
Забредшая легкою струйкой приправа —
Чесоткой по телу беззвучно грызёт,
И тот, кто глаза закатил под диваны,
Уже не смеётся, а воем ревёт.
Минуя затёкшее воображение,
Где в градинах пота – усталая муть,
И тот, кто уже от конвульсий в смятение
Под кран с головою желает нырнуть...
Смешинка попала не в рот, а в квартиру —
И новый ввела за собой анекдот,
И всех бесподобной волной «покосила».
На целый шестнадцатый год.

«Я просто люблю, когда ты говоришь...»

Я просто люблю, когда ты говоришь
Спокойно и неторопливо
(Как падает дождик с намоченных крыш!)
Единственным голосом милым.
Уже мне известно твоё настроенье
И утренний тихий подъём.
Когда накатило внезапно сближенье,
Когда все заботы – потом,
Меняется утро теплом и вниманьем,
И нет хаотичности дел...
В фрагменте придуманного нами желанья
Появится нежный пробел,
Душа приоткроет воскресную радость
Для наших с тобою минут,
И мы, забываясь, забудем усталость,
Забудем, где беды живут.

«Накатит русская душа...»

Накатит русская душа
На высохшие плечи.
Сидит бабулька у окна
И о своём лепечет.
Ещё пытается узнать
Кого-то из соседей,
Начнёт упорно вспоминать
Сама с собой в беседе.
И кончиком платка тереть
Невидимые слёзы.
Скорей бы старой помереть,
Да на погост – в берёзы.
Осталось прошлое в душе
Одним законом божьим,
Как все молились о войне,
Молились осторожно.
Как беспросветная беда
Втащила похоронку,
И до сих пор лежит она
Под старенькой иконкой.
Остыла русская душа
От нестерпимой доли...
Не стало бабки у окна
Со смертью на пороге.

«На колени мои ты присела...»

На колени мои ты присела,
Незнакомая девушка Мила,
И распутное сердце запело
Непонятной завидною силой.
Где в окрестностях новой любви
Беззаветное стало заветным,
Ты, как редкая вещь красоты,
Вдруг богатством мне стала несметным.
Положение лёгкого тела
И касание русых волос
Не имело границы, предела,
Когда тебя в спальню унёс,
Незнакомая девушка Мила.
На волнующей белой постели
С опьяняющим словом: «Милый»,
С путешествием к общей цели...
Опус праведности благоразумен,
И в окрестностях новой любви
Пусть останется связь наших судеб
Долговечной в суровые дни.

«Тени, тени, всюду тени!»

Тени, тени, всюду тени!
Душу растащили всю.
Вот прошёл Сергей Есенин,
Задувая на свечу.
Вот огромными ногами —
Маяковский с Лилей Брик.
А вы Осю не видали?
Будто слышали мы крик.
Вот – с лица воды не пить —
Пастернак, бледнее снега,
Хочет рифмой наделить
Всё, что движется без дела.
Вот Ахматовой платки, —
Только всхлипывают плечи.
Тяжелы были венки
В уходящий скорбный вечер...
Вот Цветаева Марина, —
Половицами скрипя...
На верёвке молчаливо —
Виснет сойкой с потолка.
Мандельштам худой – со стоном
Из-за бронзовых оков —
Волочит с извечным звоном
Дань порушенных веков...
Тени, тени, всюду тени!
Душу растащили всю.
Обернёшься – лишь метели
Бьют по мокрому лицу.

«В клетку листочек...»

Осипу Мандельштаму

В клетку листочек,
И жизнь – в той же клетке.
Отрывистый почерк —
Живой, без пометок.

Крик одиночества
Сводит с ума.
Было – пророчество,
Была и тюрьма.

Было б в линейчку
(Всё ж осторожнее!):
Сел на скамеечку,
Съел бы мороженое.

Так вот, по клетке
И сердце стравил
Чёрной пометкой
Один осетин.

«Накапала слеза сегодня радости...»

Накапала слеза сегодня радости
Нам на двоих с осеннего куста.
Благоухая непогодной шалостью,
В два хрупких обратились мы листа,
Оторвались от тяжести и боли
В многообразии начального пути.
Был сад разбит по нашей с тобой воле,
Где мы кружились в чистоте любви.
До остроты приблизилось дыхание
Двух нежных душ под жилкой золотой,
И наше постоянное касание
Нам создавало счастье и покой.
Бунт красоты всего лишь в двух листах —
В саду опавшем, в маленькой квартире,
Где две души всей радостью в слезах
От тяжести себя освободили.

«С рекомендательным письмом...»

С рекомендательным письмом,
Меняя саван на обличье,
Сидишь за круглым ты столом
И ждёшь начала чаепитья.
Ты ждёшь, когда присядут все,
И не допустишь опозданий,
И, доверяя лишь себе,
Ведёшь подсчёт, кто шёл в молчанье.
Твой договор – глоток судьбы,
Манеры жуткого сарказма.
За круглый стол присели мы —
Узнать твой выбор безотказный.
Ты же за этим к нам пришла,
Тебе понравился наш дом,
Там, в строчках твоего письма,
Лежит беда под сургучом.
Ты заставляешь всех собраться
С рекомендацией своей,
Где чаепитие – ужасно,
А круглый стол – ещё чудней.
Цена визита твоего
Меняет саван на обличье,
И вскрыть безжалостно письмо
В гостях тем более цинично.
В свидетелях – твоя ошибка
И наш семейный круглый стол,
Где холодом прошла улыбка,
Как страшный и тревожный сон.

«Я видел, как ты спала...»

Я видел, как ты спала,
И твой медальонный профиль,
Захватывала тишина,
Жалея от чувств высоких.
Твой сон – мимо всех проблем —
Рождал обстановку уюта,
А я всё смотрел и смотрел
На божество абсолюта.
Чтоб сладость твою не спугнуть,
Как гостеприимство покоя,
Я мог в этот час шагнуть,
Удерживая дорогое.
На кончике сонной души,
Твоей независимой позы,
Я брал глубину теплоты,
Припрятывая на годы.

«На окраине звёзды светлее...»

П. Кольцугину

На окраине звёзды светлее,
И луна – философия мира,
Так и хочется встать на колени,
И сказать за такое: «Спасибо!»
На душе – выражение света,
Оттого что живёт воплощенье,
Оттого что гуляют планеты
Над ничтожным нашим значеньем.
Невозможно привыкнуть к размаху,
Безмятежность роднее глазам,
Но реальность ложится на плаху,
Рубленая пополам.
Мы стоим в этом поле бескрайнем
Среди вздоха воскресших светил
Со своей колёй пониманья —
Где с другой философией мир.

«Печаль, что сорная трава, —...»

Ольге

Печаль, что сорная трава, —
Сердечную начинку вяжет.
И говорят твои глаза:
«Не надо, милый. Бог накажет».
Нам прошлого уже хватает.
Действительность – священный дар,
Она пока что принимает
Располагающее к нам,
Пока ещё мы на двоих
Выносим лихорадку лет.
Печаль – безмолвие и крик,
Предупреждение и ответ.
Разбрасывать и собирать
Нам всё же повезло с тобой.
Мы можем вместе поскучать
И посмеяться над собой.

Твоё дыхание всё для меня

«В одном хоре разевали рот...»

В одном хоре разевали рот
В безудержном творческом припадке:
Всё хотелось вырваться вперёд
И нестись над всеми без оглядки.
Но ловил тревожный взгляд худрука,
Горлышко сжимая, как петлёй,
Весь порыв пронзительного звука,
Опуская вырвавшегося в строй.
Накопали жизненных позиций,
Хор закрыли с ломкой голосов,
И худрук без дела быстро спился
От потери песенных основ.
Но остался тот, что в творческом припадке
Всё хотел над всеми воспарить,
И летать свободно – без оглядки,
И своё любимое творить.
Так и вышел в люди с песней новой
И создал свой безголосый хор,
Где уже хватает сам за горло
Тех, кто очень рвётся на простор.

«Пусть гримасничает дождь...»

Пусть гримасничает дождь
На асфальте в лужах,
Я люблю, когда ты льёшь
И листвой сконфужен.
Капюшон сырого дня
Набухает скоро,
Ты находишь для меня
Радужное слово.
Ты – душа осенней музыки,
Посланной с небес.
Ты – накапливая лужи,
Плачешь обо всех.

«Приятного вечера тихая грусть...»

Приятного вечера тихая грусть...
Накроюсь душевным покоем,
За всех дорогих про себя помолюсь
И новое что-то открою.
С одышкой мечта всколыхнётся надеждой,
Поверю и ей, бестелесной,
Пусть снова покажется пряник хвалебный
Из маминой сумки запретной.
Латунный подсвечник зажжёт свои свечи,
И тени, как руки любимой,
Положат тепло на усталые плечи,
Прощая за слово с обидой.
Душа не откажется от чаепитья,
Серебряной ложкой по дну
Покличет синицу, что ради приличья
Уже подлетела к окну.
Приятного вечера тихая грусть...
Растраченное пусть нам вернётся.
За всех я за вас, дорогие, молюсь,
Не зная чем всё отзовётся.

«Аппетит ваших страстных объятий мёртв...»

Аппетит ваших страстных объятий мёртв,
Вы, нахлынувшая из половины октября,
Впутанная в личину позёрств,
Расшатывая устои, переигрываете себя.
Я понимаю ваши утончённые стейки,
Наложенные на решётку огненных персонажей,
Где воздействие красочных фейерверков
Потрясает размахом даже меня со стажем.
Так, приуроченный к дню есенинской грусти,
Я принимаю ваше молодое влияние,
Что ж, вы нетронутая образцовой сутью,
Находите для меня ненормальное состояние.
Остаётся признать осень распутным определением,
И вас – на обороте слова – девушкой по вызову,
Что понравилось бы Есенину с его умением —
Переходить от дел к поэтическому вымыслу.

«Потеря доверия – голый в бане...»

Потеря доверия – голый в бане,
Уже раздетый слухом корпоративным,
Ослабленный действием в Роттердаме
И сконфуженный женщиной под Парижем.
Ты возвращаешься скомканным поцелуем
Со стразами Сваровски на волосах,
С энергетически выключенным бумом,
Покачивающимся в брючных волнах.
На тебе поставили жирную точку,
Долг, ещё не согласованный холодным расчётом,
Нулями не вписывается в строчку,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.